18+

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Часть 1. Детство девочки-беды или Оловянный солдатик в мокрых штанах

Ольга Анатольевна Волошина

Ольга Волошина

Долгая дорога к счастью. Часть 1. Детство девочки-беды, или Оловянный солдатик в мокрых штанах

https://litres.ru/74958307
ISBN 9785007155106

Аннотация

Эта автобиографическая история — честная и пронзительная исповедь о детстве на прекрасном Сахалине, семейных драмах, детских страхах и невероятной силе духа. Маленькая героиня проходит через настоящую школу выживания и учится верить в чудо вопреки всему. В книге нет ни капли художественного вымысла — только абсолютная правда о том, как начиналась долгая и непростая дорога к счастью маленькой Оли.

Содержание

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЧАСТЬЮ 5
ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Глава 1 8
«Меня не хотели в этот мир впускать…» 13
Глава 2 16
Глава 3 21
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 37
Глава 7 40
Глава 8 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Долгая дорога к счастью Часть 1. Детство девочки-беды, или Оловянный солдатик в мокрых штанах

Ольга Волошина

© Ольга Волошина, 2026

ISBN 978-5-0071-5510-6 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-5511-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

ЧАСТЬ 1
Детство девочки-беды
или Оловянный солдатик в мокрых штанах

Все права на текст книги, стихотворения, а также художественные и фотоматериалы принадлежат автору Волошиной Ольге и публикуются из личного архива

ПРЕДИСЛОВИЕ

Привет, мой дорогой читатель! Меня зовут Оля, и эта книга обо мне. Я, девочка-беда, которая родилась вопреки всему, училась скрывать боль и прятать слёзы, росла, взрослела и изучала этот огромный мир, находясь в непростых условиях для ребёнка.

Если ты держишь в руках этот том, значит, мы с тобой встретились неслучайно. Всё, что ты прочтёшь на этих страницах — не выдумка писателя и не сюжет художественного фильма. Это моя настоящая жизнь. Мой личный дневник, который я решилась открыть миру. Я решила выпустить на волю всё то, что маленькая хрустальная девочка внутри меня мужественно и молча несла через долгие годы. Это не дань сожалению и боли, а слёзы счастья. Они выходят наружу вместе со строчками в этой книге.

Моя жизнь никогда не была простой. Мне пришлось пройти через непонимание близких, странные боли и суровые больничные стены, пережить долгие годы настоящей школы выживания, столкнуться с жестокостью в юности и услышать от врачей страшный приговор, который казался окончательным.

Тем не менее я выжила. Я выстояла. При этом сохранила мягкость души и научилась любить этот мир. Я смогла сотворить настоящее чудо материнства и найти своё настра-

давшееся, простое женское счастье.

Я уверена, что страницы этой книги найдут отклик и в твоём сердце. Ведь у каждого найдётся потайная каморка, спрятанная от посторонних глаз, где мы храним самое сокровенное — детские и юношеские воспоминания, боль, страх, ужас и вместе с ними — надежду, любовь и счастье.

Если тебе сейчас тяжело, если кажется, что боль сильнее тебя — не сдавайся! Чудеса всегда случаются, если в них искренне верить. На твоей улице обязательно будет праздник.

Эта книга соткана из моей открытой души и самых сокровенных воспоминаний, детских сказок, которые оказались чистой правдой. Я писала её с большой любовью и надеждой, что моя «Долгая дорога к счастью» согреет тебя, подарит улыбку и напомнит, что после любых холодных ветров обязательно наступает тепло.

Присаживайся поудобнее, давай начнём наше путешествие!

Глава 1
Девочка, которая не должна была появиться на свет

Моя мама всегда была очень красивая. Я видела её фотографии, когда она была совсем малышкой и в школьном возрасте. Во времена, о которых пойдёт речь в этой книге, она была самой красивой девушкой, а папа — первым красавцем на всю нашу деревню.

Мама — черноволосая смугляночка с красивыми, ярко выраженными формами и большими зелёными глазами, обрамлёнными пушистыми ресницами. Её волосы были длинными, густыми, волнистыми и блестящими. Они завораживали своей красотой. Мама никогда не красила свои угольно-чёрные длинные ресницы. От природы её глаза были настолько большими, что казались на пол-лица — так ей говорили абсолютно все.

Папа — полная её противоположность. Голубоглазый, белобрысый, с мягкой розово-белой кожей. Его редкие белые волосы светились на солнце, как пушок, и тогда он был похож на одуванчик. Глубокие залысины делали его лоб очень выразительным. В молодости папа был спортсменом: высокий, накачанный, рельефный красавец. Когда он надевал майку, миру открывалась вся красота его тела. За ним вы-

страивалась очередь из деревенских девчонок, а он выбрал мою маму.

Правда, мамины родственники были против их отношений. Может, поэтому их жизнь не сложилась. Под сильным воздействием со стороны родственников они не смогли сохранить свою семью. Моя бабушка по папиной линии — я и сегодня не знаю, как её звали, — имела очень сильное пристрастие к алкоголю, и в маминой семье её называли просто алкоголичкой.

А ещё у неё была одна болезнь, которая перешла по наследству, почему-то именно ко мне, — болезнь почек. Мы не сразу о ней узнали, потому что ничто на это не указывало. Болезнь проявилась позже.

Что именно было у моей безымянной бабушки, я, конечно, не знаю. Да и откуда мне это знать? В нашей семье никогда не говорили ни о папиной маме, ни о его папе. Его лица я не помню, только один фрагмент, как он сидит на крыльце своего дома. От него, как ни странно, в памяти осталось имя. Дмитрий. Бабушка называла его Митькой.

Он сидит на крыльце и просто курит.

— Митька, ты чего тут сидишь? — выглянув из избы, позвала его бабушка.

В моей памяти есть какие-то блики внешности и моей безымянной бабушки. Но вот только описать эти беглые кадры я не смогу. Цветной халат и косынка — это вся картинка.

Так вот, мамина семья ни в какую не хотела родниться с

папиной. Особенно бабушка Маша, мамина мама. Она была главой семьи и всё всегда было так, как она скажет. Не хотела она пьющих родственников, хотя во всей деревне гости и шумные застолья вообще не были редкостью.

Я помню эти шумные застолья и у бабушки Маши дома. Гости, танцы, шум и веселье. Под громкую, весёлую музыку активно веселились гости и громко подпевали голосу из виниловой пластинки.

Ой, не всё сразу…

О свадьбе родителей и об их жизни до моего появления в моей памяти, естественно, ничего нет, да и никто, к сожалению, мне ничего в подробностях не рассказывал. Знаю немного, исключительно с маминых слов. Она и по сей день не любит вспоминать и рассказывать о тех временах. Отмахивается. Хотя, если я настаю, расскажет. Она умеет интересно рассказывать, только вот не хочется мне бередить её далёкие раны.

В какой-то момент они с папой переехали в Корсаковский район. В посёлок Пригородное. Это место, как и наш родной посёлок, располагалось около моря и также было всегда ветреным и прохладным. Как долго они там прожили, не знаю, но там родилась моя старшая сестра Марина.

Внешне с самого рождения моя сестрёнка очень походила на бабушку Машу. У Марины всегда были густые, блестящие тёмно-каштановые волосы, в отличие от меня. Она смуглая,

с ярко выраженными карими блестящими маленькими глазками-ягодками. Безмятежная, лёгкая и бесстрашная.

После рождения Марины родители почему-то стали ссориться. Папа часто уходил из дома, стал выпивать, проводить больше времени с друзьями, а не дома. Были проблемы с работой. Мама не работала, потому что на руках у неё был грудной ребёнок. Маленькая Маришка. Хотя в те времена в детский сад брали деток с двух месяцев. Почему так всё у них сложилось, мне неизвестно. Знаю только, что нелёгкая жизнь у них была. Это уж точно.

Однажды к ним приехала бабушка Маша. Она увидела, в каких условиях живут молодые, а жили они действительно очень плохо. Звенящие пустотой шкафчики на кухне говорили сами за себя.

— Да у вас тут мышь повесилась! — вскрикнула бабушка, открыв пустой холодильник. — Марину я забираю, а ты немедленно и безоговорочно сделаешь аборт!

Бабушка чеканила каждое слово, словно солдат, строго нахмурив свои угольно-чёрные брови. Она откуда-то уже знала о беременности мамы или догадалась сама. Возможно, слухи. Слухами, как известно, земля полнится.

Да, моя мамочка тогда снова была беременна. Она носила под сердцем меня, когда старшей их дочери ещё и года не было. Мама не посмела возразить строгой родительнице, и бабушка увезла Марину с собой, снова в посёлок Ясноморский. Марина не сопротивлялась.

На минуту поддавшись напору бабушки, мама сделала попытку от меня избавиться. Она несколько раз подняла тяжеленную железную кровать. Двигала её туда-сюда. На аборт она не решилась, в то время это делали без наркоза. Больно. Страшно. Поэтому в голову пришли такие нелепые методы. Когда ничего не вышло, она решила, что так предрешено свыше и оставила свои попытки.

Как сложились обстоятельства дальше и каким образом мама с папой вернулись в свою деревню, я не знаю. Но они снова оказались там, где когда-то родилась наша маленькая семья, а через некоторое время появилась на этот свет и я.

Я часто жалела о своём рождении и думала: может, бабушка была абсолютно права, когда меня не хотела?

«Меня не хотели в этот мир впускать…»

Меня не хотели в этот мир впускать
И мир мой с рождения был ярко-чёрный.
Я верю, что мир этот нерукотворный
Лишь создан, чтоб сверху за мной наблюдать.
Испытывать силу мою и отвагу.
Мой Бог, ты дай мне эту силу, а больше не надо…

Волошина Ольга

(Фото из моего личного архива. Наша Сахалинская природа.)

Глава 2
Большая канавка между двух сопок и медвежье семейство

Наш посёлок располагался в этакой гигантской «канавке» между двух высоких сопок. В самом его начале до моря было всего два шага. Просто нужно было пройти через автомобильную и железную дорогу. А с другой стороны он уходил вглубь распадка, к соседнему посёлку. Он так и назывался — Распадок.

Посёлок казался совсем крошечным — всего две улицы: Советская и Речная. С одной стороны высокая зелёная сопка, потом сразу ряд домов. Это была наша улица, которую мы так и называли «улица под сопкой». Дальше проходила небольшая дорога. По ней ездили разные повозки с лошадьми, ходили коровы. Они были как будто самостоятельные. Сами выбирали, куда идти пастись, где вкуснее трава. Утром разбредались по всей деревне, а вечером дружно возвращались по домам.

Часто можно было увидеть тракторы с большущими колёсами или гусеницами. А вот автомобилей у нас почти не было. В деревне в то время машина была большой редкостью, максимум грузовик. За этой дорогой снова располагался ряд домов. Та самая улица, где жила семья моего отца, дальше

ещё одна дорога, за которой бежала речка Ясноморка. Над речкой возвышалась ещё одна сопка. Она была густой, тёмной и более таинственной, чем та, что с нашей стороны. На ней было больше лиственных деревьев, елей, ягод и грибов.

Когда забираешься повыше на нашу сопку, весь посёлок становится виден как на ладони. Можно легко сосчитать дома, увидеть своих друзей, их семьи и кто чем занят. А ещё оттуда противоположная сопка не казалась так страшна.

У нас в деревне у всех было много огородов. Они просто окружали деревенские дома и дворы. Отдельный огород с овощами, в том числе и в теплицах. Зелень и цветы. Всё росло отдельно. Только вот кустарники с ягодой у нас росли везде, кроме огромного огорода с картошкой.

Это был самый большой огород. У нас он расстилался прямо под сопкой, где мы всей семьёй ежегодно весной высаживали, а осенью выкапывали картошку. В это время вместе собиралась вся большая семья. Мы все уставали тогда, но были счастливы вместе.

Огород с картошкой был немного выше остальных. Он как бы вскарабкался на саму сопку. Оттуда мы с интересом наблюдали даже за настоящими медведями! Они вальяжно бродили по противоположному склону. Искали себе пропитание. Рыли землю в поисках разных вкусных корешков. Ели ягоду, которой там всегда было предостаточно, и спускались в самый низ, к речке, чтобы половить рыбку.

Однажды я видела, как большая мама-медведица выводи-

ла гулять своих двух косолапых медвежат. Моя сестра это видела каждый год, а я не всегда была рядом. Это завораживающее зрелище. Дух захватывало. Было совсем не страшно смотреть на медведей со стороны, через две улицы. Только вот ходить на ту сопку по грибы да по ягоды мало кто решался. Дедушка наш очень часто забирался на эту густую сопку и уходил глубоко в лес. Он всегда возвращался оттуда не с пустыми руками. Кроме интересных забавных историй и небылиц о лесных жителях, дедушка всегда приносил нам разное богатство лесное. Грибы, ягоды, шишки, жёлуди…

Да, посёлок небольшой, но в то время там было всё, что необходимо для нормальной жизни. Детский сад, школа, медпункт, почта, клуб и большой универсальный магазин. Даже пивбар был! В нём пропадали вечерами деревенские мужчины. Было футбольное поле и специальная хоккейная коробка, которую зимой заливали водой, шлифовали и катались на коньках мальчишки с клюшками.

Да и работы тогда людям хватало. Был рыбзавод, чуть дальше, вглубь нашей узкой длинной деревни-канавки. Там шла переработка рыбы — тонны свежего улова на радость медведице с медвежатами.

Ещё у нас было лесничество, в котором работал мой дедушка Коля. Это мамин папа. Все его так и называли — лесник Николай. Позже это предприятие в деревне закрыли, и ему приходилось часто ездить в город, куда перенесли эту организацию. Но в основном наш дедушка работал в самом

лесу.

В нашем посёлке был пирс, куда когда-то подходили большие корабли. Что они там делали, я не знаю и об этом мало что помню. Когда я родилась, кораблей у пирса, кажется, уже не было, одни обломки. Пирс был заброшен. Раздолье для морских обитателей, для детей и рыбаков. Это было очень удобное место для рыбалки. Позже, когда я подросла, мы часто гуляли по пирсу с сестрой.

Марина в основном оставалась у бабушки, а мы с мамой часто переезжали из дома в дом, а они все были какие-то дряхлые и ненадёжные. Помню наш первый дом в этой деревне. Это был обычный деревянный неприметный барак на два хозяина.

В самом начале Речной улицы, ближе к морю, был большой пятачок, где несколько домов стояли как-то хаотично. Автобусная остановка, рядом деревянная двухэтажка (таких в деревне было всего три), ещё пара домов рядом и чуть поодаль — наш дом.

(Фото из моего личного архива. Это моя мама в огороде. Здесь мы собираем картошку)

Глава 3
Кулёма из сугроба

Что касается памяти — мне кажется, в детстве она у меня была просто феноменальной. Я отчётливо помню себя примерно с годовалого возраста. Не всё подряд, конечно, а только самые яркие ситуации, истории и мои первые проказы и приключения.

Кстати, я отчаянно верю в то, что человеку в жизни даётся ограниченное количество всего. Терпения, энергии, памяти… В моём случае это особенно заметно. Я бережно храню в себе далёкие воспоминания во всех подробностях, при этом то, что происходило вчера, могу и не вспомнить совсем.

Лимит исчерпан, видите ли.

Я отчётливо помню много разных мелких историй и моментов, всего и не перескажешь. Помню какие-то яркие предметы — машинки и плюшевые игрушки, например. Высокий деревянный стол, куда заходила пешком, не наклоняясь. Большой шкаф, где очень любила прятаться и могла случайно уснуть. Где играла — прямо там и засыпала. Мама искала меня и находила. Она знала все мои потайные местечки.

В памяти всплывают даже ползунки со смешными плоскими пяточками, швом наружу. Кофточки-распашонки с завязочками спереди, с которыми я могла долго играть, и за-

сыпала прямо там, где сидела. Я любила играть с принтом на распашонках или платьях. Это были цветные машинки, которые почему-то стремились ехать в разные стороны. Куклы, разные зверушки или большие буквы.

Помню, как мама с любовью вязала мне всякую детскую одёжку с яркими цветочками и объёмными шишечками. Мне нравилось с ними играть, просто перебирая своими маленькими пальчиками.

Когда я сильно болела, мама укутывала меня несколькими тёплыми одеялами, кормила сладким мёдом и читала мне сказки.

— С потом выйдет вся простуда, — говорила мама строго, потому что мне очень не нравилось потеть.

Именно после таких простуд и жарких укутываний у меня появлялись лёгкие, еле заметные, волнообразные неприятные ощущения внизу живота. Я считала, что это нормально. Они меня не сильно беспокоили, к тому же постепенно я к ним привыкла и не обращала на них внимания. Знала, что это скоро пройдёт.

Помню, как мама отчаянно бежала на пригородный автобус, а я у неё на руках весело скакала, как на лошадке. Когда я была маленькой, мы с мамой всё время куда-то бежали.

Когда на улице лютовал холод, сильный ветер или валил густой снег, мама крепко прижимала меня личиком к себе, пряча от непогоды, а мне так отчаянно хотелось посмотреть, как же выглядит этот самый «сильный ветер» и что будет,

если я подниму голову. И я поднимала. Однако так ничего и не могла разглядеть, потому что ветер был настолько сильным, что я не только смотреть, но и дышать не могла.

Вот бы вернуться сейчас в то беззаботное время. Сидеть у мамы на ручках и прижиматься к её тёплой щеке.

Часто мама катала меня на санках. Как-то раз мы с ней снова отчаянно бежали на автобус и сильно опаздывали. Я была в тёплом зимнем пальто, пушистой шапке, неудобных валенках и варежках на резинке через плечо, чтобы не потерять. Сверху меня ещё укутали в огромный тёплый пуховый платок. Я тогда была похожа на кулёк. Мама, когда так меня кутала, ласково называла «кулёмой».

Когда мама меня везла, я с интересом наблюдала за спешащими, как и мы, прохожими. За солнцем или звёздами, хитро прищуривая глаза. Сидела в санках, смотрела в тёмное небо и любовалась крупными снежинками, блестящими, светящимися под фонарями. Мама тянула верёвку и бежала так стремительно, что на какой-то кочке я просто-напросто вывалилась из санок лицом прямо в свежий мягкий пушистый снег! Лежу, встать не могу, крикнуть не могу — вся ведь укутанная, как кулёк.

Мама в этой спешке не сразу поняла, что везёт пустые санки, а мне лежать на обочине было ужасно весело.

— Эх, кулёма ты моя, — с улыбкой проговорила мама, поднимая меня и снова усаживая в санки.

Вообще ранний период моей жизни, лет до четырёх, был

самым спокойным и радужным, не считая тех периодических неприятных ощущений внизу живота, которые с каждым разом становились всё ощутимее, а я никак не могла объяснить взрослым, что со мной происходит. Когда эта еле заметная волна находила, мне как будто хотелось тужиться. Я вся напрягалась и сжималась. Через несколько секунд волна уходила, я снова о ней забывала и продолжала жить.

Я уже тогда умела искренне смеяться над своими промахами и неудачами. Так меня учила мама.

Глава 4
Чертёнок на отмочке

За порогом нашего гнёздышка скрывался простой и понятный мне мир. Тогда вся наша жизнь теснилась в одной большой комнате и кухне, на которой величаво расположилась печка. Она тогда казалась мне невероятно большой, уютной и тёплой. На кухне стоял большой стол, накрытый цветной клеёнчатой скатертью, и два деревянных стула. Это, пожалуй, всё, что я помню про кухню в этом возрасте, в этом доме.

Моя детская деревянная кроватка стояла в комнате, прямо по центру дальней от двери стены. С одной стороны высился громоздкий шкаф, с другой — за огромной плотной шторой — пряталось спальное место родителей.

На моей кроватке очень удачно отсутствовал один деревянный прутик. Это давало мне великолепную возможность ловко и незаметно покидать своё уютное гнёздышко и без труда возвращаться обратно.

Когда я ещё была зависима от пустышки и она случайно от меня убегала, — я могла самостоятельно выскользнуть из кроватки, найти её и снова забраться на место, укрывшись мягким тёплым одеялом. Это было необходимо, особенно ранним утром, когда мама ещё не затопила печь и комната

не прогрелась.

Помню один случай. Наступило утро. Яркое солнце заглянуло в окно, освещая нашу большую комнату. Я просыпаюсь и никак не могу понять, что происходит вокруг: я нахожусь в каком-то странном светлом тканевом домике. Вижу какие-то тени вокруг, а выхода наружу найти не могу! Сначала накатила лёгкая детская паника и отчаяние, но потом стало даже весело.

Пока я внутри этой ловушки увлечённо искала, как выбраться на свет божий, то услышала, как рядом смеётся мама, и мне стало ещё веселее. Она-то и помогла мне найти выход. Только тогда я поняла, что это был мой обычный пододеяльник! В то время они были с ромбовидным вырезом прямо по центру. Каким образом я умудрилась забраться туда во сне — до сих пор остаётся большой загадкой для всей семьи, ведь этот вырез находился сверху, в центре одеяла.

Был ещё такой забавный случай. Я снова проснулась в своей кроватке. Тишина. Прислушалась — ни звука. Кажется, мамы нет дома. Папа снова где-то пропадал. Я вообще почему-то не помню его присутствия в моей жизни.

Так вот, я уже тогда была непостоянной личностью и могла мгновенно и легко переключиться. Мне и сейчас быстро надоедает одно и то же занятие.

Поняв, что я дома совсем одна, тихонько заплакала, но ненадолго. Тем более публики, на которую можно было бы воздействовать слезами, не было. Я перестала плакать и ре-

шила немедленно переключиться на что-то более интересное.

И переключилась!

Кряхтя от усердия, я привычно пролезла сквозь недостающий прутик в кроватке, легко, пришлёпывая ладошками, через всю комнату проползла до дивана, который стоял ближе к выходу на кухню, и ловко на него забралась. Это был вечер. Хоть печка давно остыла, полы были ещё тёплые.

Убедившись ещё раз, что дома точно никого нет, я для верности ещё немного похныкала и полезла на стол прямо с дивана, который стоял к нему впритык.

Сидя на столе, хотела уже было снова скукситься и продолжить реветь, но вдруг передумала. Мой взгляд упал на стопку свежевыглаженного белоснежного белья. Это мама только-только закончила глажку и ещё не успела разложить вещи в шкаф.

Скорее всего, в этот момент включилось моё потайное детское воображение. Когда ребёнок чем-то занят, теряясь в своём мире, это обычно не запоминается. Так и у меня на этом моменте подробности прерываются, но я отчётливо помню следующий короткий кадр: уверенно стоя у печки, я со всем своим детским усилием и важным кряхтением запихиваю эти чистые простыни и наволочки в духовку! Всё запихала и с гордостью похвалила себя за старание. Дальше снова небольшой провал в памяти…

Распахиваю свои большие зелёные глаза уже от скрипа

входной двери. Это пришла мама. Она с порога увидела, как безмятежно я лежу прямо около печки, на куче раскиданных вещей, — сама чёрная, как чертёнок, и всё вокруг в каких-то чёрных пятнах. Хоть печка и остыла, но внутри духовки давно скопился толстый слой чёрной сажи. Мама не сразу поняла, что это то самое бельё, которое она оставила ровной стопкой на столе.

Я смотрела в её широко распахнутые глаза — в них застыл вопрос: Кто это и что здесь происходит? От этого маминого взгляда мне самой стало немного страшновато. Я сидела и думала: заплакать или нет, чтобы мама не ругала.

Как оказалось, мама просто уложила меня в кровать, убедилась, что её малютка крепко спит, и буквально на пару минут выскочила к соседке. Однако мне, маленькой, показалось, что прошла целая вечность.

До сих пор мы с мамой вместе вспоминаем этот случай и смеёмся. Она никак не может понять, как я тогда смогла такое сотворить и, главное, как я вообще могу всё это помнить, ведь была совсем крохой.

Конечно, мама тогда меня не отругала. Поворчала немного себе под нос и быстро успокоилась. Ну что со мной делать? Я же маленькая. Мама посадила меня в большой таз с тёплой водой на отмочку. Так она всегда говорила, когда я сильно пачкалась. Помыла и снова уложила меня спать.

Ещё я помню, что после этого случая, если просыпалась, а мамы не было дома, я всегда находила её у той самой сосед-

ки. Мама с подружкой уже не удивлялись и не переживали. Знали, что если я проснусь, хныкать не стану, а сразу приду к ним.

Сам этот дом и двор я очень плохо помню. Маленькая была очень. Гуляла я тогда только в коляске или у мамы на руках. А, как известно, ребёнок хорошо запоминает только то, что исследует сам.

Больше о том доме всё помнила моя сестра Марина, хотя и не жила с нами. Когда мы немного подросли, она всё время мне что-то про него рассказывала. Мы даже пару раз ходили на его обломки. Почему от него остались ножки да рожки, я не знаю, но Маринины истории были из серии «ужастики». Она всегда мне рассказывала какие-то страшилки про этот дом, наблюдала, как я распахиваю от страха глаза и раскрываю рот, и сама надо мной смеялась.

(Фото из моего личного архива. Наш пёс Лорд)

Глава 5
Странная ягодка

Ой. Был ещё один смешной случай, который сегодня вызывает у меня ощущения ну очень неприятные. Тогда все надо мной смеялись, кроме меня самой. Я не понимала, что же тут смешного.

Я уже рассказывала, что наш дедушка был лесником и доска у него была всегда. Он выбирал самую ровную, отшлифовывал её, чтобы дети не цепляли занозы, и аккуратно выстилал свободное пространство во дворе. Все тропки, дорожки и места для детских игр были устелены. Деревянный настил и зелень — таким образом наш двор всегда выглядел чистым и аккуратным.

У всех были собаки. Без них ни один двор не обходился. Ну и куда же собакам без клещей, которые мало того, что живут около сопки, так их ещё и отпускают побегать в лес. Конечно, клещи на наших собаках — естественное событие.

Дедушка не всегда их находил и уничтожал. Были такие клещи, которые прятались так, что их было непросто найти. Когда эти самые хитрые и наглые клещи набивали свои брюшки кровью, сами собой отваливались от собаки.

Так вот, однажды я сидела на этих досках у самого крылечка и играла с собакой, которая распласталась на боку ря-

дом со мной и грелась на солнышке. Когда собака ушла, на её месте я увидела ягодку, очень странного вида. Я такую ещё не видела. Она не была похожа ни на одну, что росли у бабушки в огороде. С привычным любопытством я схватила и уже было потянула её себе в рот, как услышала мамин голос.

— Стой! Брось сейчас же! — мама совершенно случайно вышла из дома и в тот самый момент оказалась на крыльце.

Я испугалась и бросила. Я пыталась убедить всех, что это всего лишь ягодка. Только вот, как оказалось, это был клещ, который уже напился крови и отвалился от собаки именно в том месте, где сидела я — маленькая девочка-беда.

Я до сих пор вспоминаю этот случай с легкой брезгливостью. Что бы было, если бы я его съела? Думаю, обошлось бы без последствий для здоровья, но сегодня от одной этой мысли меня бы точно передёрнуло. Уф!

У бабушки с дедушкой дом был крепкий, хоть и построен на болоте. Так дедушка рассказывал. Вокруг дома, почти по всему двору, были вырыты канавки, спрятанные под доской. Дедушка их сам вырыл и расчищал каждую осень и весну, чтобы вода не застаивалась.

В доме было три комнаты, кухня и большой коридор. Кухня сначала была очень большой и вход в неё был сразу из большого холодного коридора. Позже дедушка построил дополнительную стену, получилась отдельная маленькая прихожая, и кухня стала меньше, но уютнее. Открываешь дверь из большого коридора, попадаешь в эту прихожую, а перед

глазами красовалась важная печка. Глава всего дома. Направо от неё как раз и располагалась кухня. Там стоял большой умывальник в углу, под окном стоял стол и три стула.

Вход в комнату бабушки с дедушкой был прямо из кухни. Я её называла загадочной или тайной. Марина там бывала часто и даже спала иногда с ними, а меня туда не пускали совсем. Мне вообще мало чего разрешали. Эта комната днём была плотно закрыта и в ней всегда пряталось что-то интересное.

Позже в нашей большой семье появились ещё две девочки, наши двоюродные сестрёнки Света и Оля. Это дочки маминой младшей сестры Наташи. Олю все называли Гулей. Так давно повелось. Просто маленькая Гуля, пытаясь разговаривать, всё время гулила, как голубь. Девочки жили неподалёку, через несколько домов и часто туда приходили.

Бабушка, когда за что-то нас ругала, злилась недолго. Через пару минут она исчезала в своей тайной комнате и доставала оттуда что-нибудь вкусное. Яблочки, груши или пряники. Это, наверное, и есть метод кнута и пряника.

Вторая комната у нас называлась залом. Она располагалась слева от кухни. Дверей на кухню и в зал никогда не было. В зале был большой чёрно-белый телевизор, два больших кресла для дедушки с бабушкой, пара стульев для остальных и трюмо в углу, возле печки. Это было самое тёплое место в доме. Там позже, зачем-то меня сажали греть спину. Между кресел стоял журнальный столик, на котором всегда лежали

очки хозяев дома и газета с телевизионной программой.

Мы с Мариной чаще всего, прибегая с улицы посмотреть мультики, садились перед телевизором прямо на пол, предварительно ухватив что-нибудь вкусненькое. Хлеб с маслом и сахаром, сладкую соломку или какое-то печенье. На полу лежал толстый ковёр. Мы не только на нём сидели, но и лежали, подложив подушку под голову, для удобства.

Ну и третья комната была для меня не менее особенной. Вход в неё был прямо из зала. Сначала там тоже не было двери. Вход прикрывали шторы. Это была действительно не обычная комната. Там стояли две кровати, всегда аккуратно застеленные. Стол и шкаф. Больше я ничего не помню. В ней жил каждый, кто приезжал и останавливался на какое-то время. Кажется, не было никого, кто хотя бы раз не переночевал в этой комнате. Гости или приезжие родственники. Близкие или дальние. В том числе и мы с мамой иногда там ночевали. Но главной хозяйкой этой комнаты в итоге стала Марина.

Был ещё большой холодный коридор. С него и начиналось путешествие по дому. Каждый называл его по-своему. Кто-то предбанником, хотя к бане он никакого отношения никогда не имел. Кто-то верандой, хотя веранда — это открытое и проветриваемое помещение, насколько я помню, а в этом помещении было окно, входная дверь и ещё одна, которая вела в угольник. В основном его просто называли большим коридором.

Летом в нём было прохладно и свежо, а зимой очень холодно. Там стоял диван, большой стол-тумбочка с дверцами, на который ставили два огромных ведра с водой. В одном ведре всегда был ковш, чтобы наливать воду в чайник, в кастрюлю или умывальник. По утрам мы определяли, насколько холодно на улице именно по воде в этих вёдрах. Она часто замерзала, да так сильно, что ковш оторвать было невозможно.

Если собирались гости, то только в этом коридоре. Места много, просторно, свежо и удобно. Накрывали большой длинный стол, который ломился от всякой еды. Вино, водка, коньяк… Не каждый день, конечно, но это было. Даже мне, маленькой девчонке, как-то раз дали чайную ложку коньяка и долго смеялись, глядя на то, как я морщусь. Мне тогда было чуть больше года. Кто это придумал, не знаю, но я это помнила долго и сильно обижалась на глупых взрослых.

Моя бабушка Магша.

Глава 6
Большая рыбья кость

Помню, как однажды, отмечая какой-то очередной праздник, там накрыли большой, длинный стол с белой скатертью. Много разных блюд и напитков в хрустальных вазочках и бокалах. Весёлая музыка, под которую танцевали взрослые, зачем-то хватая детей за руки, и кривлялись, имитируя с ними парный танец. Детей было много. Гости обычно приводили их с собой, и мы тогда вдоволь шалили и бегали туда-сюда. На праздниках почему-то все взрослые были такими добрыми. Нам разрешали даже баловаться. Нас сажали за общий стол, и мы ели вместе со всеми.

У всех было своё хозяйство. Свининой, говядиной, курицей или кроликом на столе трудно было кого-то удивить. Так как мы жили одновременно у моря и у речки, рыба на столе тоже была не редкостью. Вяленая, сушёная, варёная, жареная…

Но вот я никогда не умела есть рыбу, поэтому не очень любила её. Все почему-то удивлялись этому.

— Ты живёшь на Сахалине и не любишь рыбу? — до сих пор вскрикивает практически каждый, кто об этом узнаёт.

Сейчас я немного иначе отношусь к этому продукту. Обожаю палтус, например, но камбалу так и не полюбила. А вот

когда была маленькой, мне всё время в рыбе что-то не нравилось. Толстая шкурка, мелкие кости, привкус кишок или эти безумные глаза, когда готовили уху. В этот раз мне в тарелку как раз положили большой кусок жареной рыбы. Все были заняты, и я не стала спорить. Вообще я любила поспорить, но в этот раз было не с кем. Я подумала, что буду очень аккуратной и внимательной, чтобы кость снова не воткнулась мне куда-нибудь в десну.

Однако то, чего ты так опасаешься, обязательно случится. Так и произошло. Только в этот раз кость была не такой маленькой, как у корюшки или наваги, и не просто больно, но привычно воткнулась в десну. Это была горбуша, и кость попалась крупная и твёрдая. Как я не заметила её, не понимаю, но что случилось — то случилось. Огромная несгибаемая кость каким-то образом встала у меня поперёк горла и никак не хотела проходить внутрь или выходить обратно. Я от ужаса застонала. Хорошо, что в этот момент закончилась музыка и мой стон услышали все, кто был рядом. Это просто спасло меня. На мгновение наступила жуткая тишина.

Обернувшись на мой стон, никто сразу не понял, что случилось с маленькой Олей. Почему девочка сидит с широко распахнутыми глазами, открытым ртом и жалобно стонет. Многие в этот момент вышли на перекур. Те, кто остался, бросились ко мне. Мама, бабушка и другие женщины стали заглядывать мне в рот и ахали. Все наперебой ворчали и задавали вопросы. Я думала, что спрашивают меня, и в ответ

им только мычала.

Я помню эти неприятные ощущения, когда у тебя во рту орудуют по очереди чужие пальцы, пытаются достать кость. Суют холодные металлические вилки, зубья которых больно царапали нёбо, потому что пальцами точно не достать, ротик слишком маленький. Все громко что-то кричат над тобой, тем самым ещё больше пугая.

Я помню, как трудно было дышать. Я задыхалась и, кажется, уже теряла сознание. На глаза навернулись слёзы. Не знаю, как долго это продолжалось, но мне казалось, что прошла целая вечность и я уже прощалась с жизнью. Кость общими усилиями, конечно, вытащили. Кто именно совершил этот подвиг, я уже не помню. В этот момент у меня были крепко зажмурены глаза. Я ничего не видела.

— Слава богу! Спасли ребёнка! — вздыхали и охали женщины.

А позже долго вспоминали и обсуждали эту историю при каждой встрече.

Глава 7
Поезд, который не оглянулся, и мои усатые няньки

Я помню, как однажды огромный зелёный поезд увозил моего папу вдаль. Это, наверное, единственное воспоминание из раннего детства, которое всё ещё хранит моя память о родном отце. Я не помню ни одной истории, связанной с ним. Однако я безумно его любила. В этот день он от меня уезжал. Навсегда. Не оглядываясь. Не обнял, не поцеловал на прощание, не взял на руки, чтобы проститься. Поезд уходил всё дальше и становился всё меньше. Я бежала за ним прямо по шпалам. Захлёбываясь слезами, громко плакала. Я не понимала и не хотела в это верить. От слёз картинка перед глазами расплывалась, я спотыкалась, падала, но мужественно вставала и продолжала бежать дальше.

Возможно, именно эта история и сделала меня такой сильной. Сколько я себя помню, когда мне больно, обидно или страшно — я не плачу. Подавляю слёзы в себе, прячу их, чтобы никто никогда их не видел. Чтобы никто не посмел назвать меня слабой. Мне тогда было всего полтора годика, но я помню этот день так чётко, будто всё случилось вчера. Помню, как злилась всем своим маленьким детским сердечком: «Как он мог?!»

— Папа! — кричала я, рыдая и со всей силы сжимая кулачки.

Чтобы отвлечь меня от этих грустных мыслей, со мной часто играли и нянчились друзья отца и мой родной дядя Саша. Это младший мамин брат. Почти все парни очень красиво рисовали. Помню, как один из них нарисовал морду лошади на весь лист. Какая же она получилась красивая. Очень похожа на ту, что у дедушки. Мне отчаянно хотелось научиться рисовать так же. Уже в два года я пыталась повторить какие-то картинки с открыток. Я срисовывала персонажей из книжек, и мои «каляки-маляки» постепенно превращались во что-то более понятное. Позже мы с Мариной срисовывали что-то откуда-то на спор, у кого лучше получится. Я даже помню, что у Марины всегда рисунки получались, словно вытянутые вверх, а у меня наоборот, растянутые вширь.

(Фото из моего личного архива. Здесь мы с сестрой и Сашей. Это мамин младший братик)

В то время мои «усатые няньки» были молодыми пацанами. Совсем юными. Как же я смогла их запомнить? Как сейчас вижу: тогда среди парней была мода на длинные волосы и брюки-клёш. Они по очереди носили меня на плечах, по вечерам гуляли со мной по улочкам нашего посёлка. Помню, я даже пару раз оконфузилась — описалась прямо у кого-то на шее! Но парни не ругали меня, а только долго и громко смеялись. В те годы говорили: если ребёнок на тебя пописает, значит, на его свадьбе гулять будешь. Всем было весело.

Я вспоминаю их с огромным теплом, хотя из-за прошедших лет уже не помню лиц и имён и не смогу узнать при встрече.

Кажется, синдром творчества родился и рос вместе со мной. Я всегда была не только проказницей и страшной фантазёркой, но и хорошей рукодельницей. У нас в семье все что-то умели. Бабушка хорошо шила. Мама тоже умела шить, но больше вязала. Дедушка вообще был на все руки мастер, не считая всех этих женских хитростей. Он всё время что-то строил во дворе. Баню. Новую сарайку. Летнюю кухню. Строил, потом облагораживал, перестраивал, что-то добавлял или менял.

Огороды и хозяйство в основном тоже были на нём. Вскопать, разрыхлить. Поставить или починить забор. Очистить канавки. Летом накосить траву, собрать и заготовить сено. Очистить двор от снега зимой. Убрать, собрать, перебрать, починить и многое-многое другое.

Я училась у всех понемногу. Мне хотелось владеть всеми этими фокусами. Так я называла рукоделие. Фокус, да и только. Раз — и бабушка сшила сарафан. Два — и мама связала кофточку. Три — и дедушка построил новый скворечник.

Когда у нас появился новый дом, я всё равно бегала в наш двор. Он был сразу через дорогу, чуть в сторону.

Наш новый дом был двухэтажным и полностью деревянным. Мы жили на первом этаже. Вообще, каждый раз, когда мы с мамой меняли место жительства, на какое-то время пе-

реезжали в родной, привычный дом бабушки. Мы называли его местом встречи или нашим пристанищем.

Жизнь в новом временном доме вспоминается мне очень смутно. Какие-то короткие фрагменты. Наверное, потому, что прожили мы там совсем недолго. Двора там не было вообще. При выходе из подъезда мимо проходила небольшая дорога, а сразу за ней высился большой деревянный забор со скамейкой, за которым виднелся огород с высоченной, лохматой кукурузой.

Детей было много, всех возрастов, но я отлично помню только парочку соседских ребят: старшего брата Романа и его младшую сестрёнку. Роман всегда ходил сердитый и нахмуренный, а девчонка, наоборот, была настоящей веселушкой. Имя её я уже не помню — кажется, его никто и не знал, все вокруг звали её Кнопкой. Я тогда была искренне уверена, что это и есть её настоящее имя.

Глава 8
Фальшивые гостинцы и луковое горе

Про папу в то время я вспоминала очень редко. Его друзья тоже постепенно разъехались из деревни кто куда — в то время среди молодёжи было модно уезжать в город на постоянное место жительства. Изредка они приезжали навещать своих родителей и заодно заходили проведать меня, дочь своего друга. Некоторые из них приезжали на машинах. Тогда было модно гонять на жигулях.

Мы все встречались в доме у бабушки Маши. Парни всегда передавали мне «гостинцы от папы». Я принимала эти подарки и хранила их с теплотой и нежностью. Только вот всё это было неправдой, ведь отец об этих вещах даже не догадывался и на самом деле никогда ничего мне не передавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.